

УДК 821.112.2

**МОРАЛИСТИЧЕСКИЙ РАССКАЗ
НА СТРАНИЦАХ ЖУРНАЛА И.К. ГОТШЕДА «ЧЕСТНЫЙ ЧЕЛОВЕК»****Л. И. СЕМЧЁНОК**
(Полоцкий государственный университет)
l.siamchonak@psu.by

Исследуется жанровая природа вставных рассказов о женской добродетели, опубликованных И.К. Готшедом в его моральном еженедельнике «Честный человек» за 1728 год. Анализируются особенности их жанровой формы и жанрового содержания. Показано, что обе вставные истории используются автором в качестве иллюстрационного материала к заявленной в обрамлении моралистической сентенции. Основа семейного благополучия Ефросинии и Софрониска – главных героев рамочного повествования – главенство разума над чувствами. Рациональное поведение возводится ими в нравственный закон, с позиций которого и дается оценка действий персонажей вставных историй.

Ключевые слова: Просвещение, моральные еженедельники, дидактизм, повествовательная рама, новелла, моралистический рассказ.

Введение. Культурная жизнь Германии начала XVIII столетия тесным образом связана с именем И.К. Готшета (Johann Christian Gottsched, 1700–1766), известного своей общественной, педагогической и публицистической активностью. Отношение к творческому наследию Готшета весьма противоречиво. Одни считают, что художественное творчество «лейпцигского диктатора» [1, с. 54] не более чем продолжение его практической деятельности по популяризации философского учения К. Вольфа (Christian Wolff, 1679–1754). Другие видят в литературном наследии писателя весьма посредственную иллюстрацию к его работам в области теории литературы. Современная исследовательница М.Л. Скворцова, напротив, уверена в том, что просветительская деятельность Готшета отмечена поиском новых путей в литературе, осознанием необходимости критически осмыслить опыт прошлого и наметить пути будущего развития национальной культуры. Его теоретический трактат «Опыт критической поэтики для немцев» (Versuch einer kritischen Dichtkunst vor die Deutschen, 1730), пишет она, стал «своеобразным мостом между старыми поэтиками, традиционно опирающимися на поэтики средневековые» и «поэтиками новыми, составляющими важную часть литературной теории и критики» [2, с. 10].

При всем разнообразии оценки просветительской деятельности И.К. Готшета неоспоримым представляется тот факт, что литературное наследие писателя отразило основные тенденции просветительской идеологии 20–40 гг. XVIII века, художественные искания эпохи, обогатившей немецкую литературу новыми жанровыми формами этологического¹ и романического² содержания.

Основная часть. Повышенное внимание к проблемам нравственности и морали, характерное для немецкой и всей западноевропейской литературы начала XVIII столетия, явилось следствием зарождавшегося в рамках просветительской идеологии кризиса христианской мировоззренческой доктрины. Провозглашенный просветителями культ автономного человека, способного с помощью разума самостоятельно оценивать и выносить собственные суждения о событиях и явлениях, уже не согласовывался с традиционными представлениями о супранатуралистических источниках нравственности и заставлял искать новые основания для объяснения существующих нравственных норм. Отсюда и специфическая особенность литературного процесса Германии периода раннего Просвещения – необычайный интерес к «этологическим» жанрам. Осмысление гражданско-нравственного уклада жизни – отличительная особенность «этологической литературы». Именно такое жанровое содержание как нельзя лучше соответствовало стремлению просветителей к формированию нравственного облика Человека, его совершенствованию. Черты же личной инициативы и самостоятельности, присущие героям «романических» жанров, были созвучны призывам представителей просвещённого столетия выйти «из состояния своего несовершеннолетия» и «пользоваться своим рассудком без руководства со стороны кого-то другого»

¹ Под «этологическим» (нравоописательным) мы, вслед за Г.Н. Пospelовым, понимаем такой аспект жанрового содержания, который сосредоточен «на осмыслении гражданско-нравственного уклада социальной жизни, состояния общества и отдельных его слоев и выражает идейно-эмоциональное отношение к этому состоянию» [3, с. 176].

² «Романические» произведения изображают «однажды произошедшие события, имеющие какое-то значение или в гражданской жизни целого народа, или в частной жизни отдельных лиц в их социальной характерности». Главный герой, как правило, противопоставляет себя «окружающей среде с её нормами и требованиями», проявляет свою «независимость от этих норм», обнаруживает «черты личной самостоятельности действий и решений» [3, с. 176, 196].

[4, с. 26]. Объявив разум универсальным средством для обуздания эгоистически направленной ответственности человека, XVIII век приступает к поискам новых средств для популяризации собственных представлений о нравственных основах общества и открывает для себя воспитательный потенциал периодической печати.

На протяжении всего XVIII столетия количество издаваемых в Германии газет и журналов растет в геометрической прогрессии. Особую группу среди них образуют так называемые «моралистические еженедельники» (*Moralische Wochenschriften*), построенные по принципу нравоучительных журналов Дж. Аддисона и Р. Стила. Согласно исследованию, проведенному Вольфгангом Мартенсом, общее количество немецкоязычных моралистических журналов, рожденных веком Просвещения, приближается к отметке в полторы сотни изданий [5, с. 544–550]. Причиной невероятной популярности этих печатных органов стала издательская установка на умелое сочетание пользы и увеселения, «приятного с полезным» («*den Nützen und die Vergnügung*») [6, с. 97], светский характер и доверительный тон общения с читателем. Жанровые формы, используемые издателями для развлечения и поучения публики, могли быть самыми разнообразными (диалоги, письма, басни, песни, эпиграммы, сны и небольшие рассказы), и все же предметом основного интереса писателей оставались нравственные свойства персонажей.

Одним из издателей первых моралистических журналов в Германии был И.К. Готшед. Подобно большинству представителей раннего Просвещения он искренне верил в возможность построения гармоничного общества. Необходимым условием формирования всеобщего «царства Разума», свободного от нравственных пороков, Готшед полагал всестороннее образование и воспитание. Отсюда и его интерес к периодической печати, с заложенным в ней информационным и идеологическим потенциалом.

В 1725 году увидел свет первый номер журнала «Разумные порицательницы» (*Die Vernünftigen Tadlerinnen, 1725–1726*), а спустя четыре месяца после завершения этого проекта, ориентированного преимущественно на женскую аудиторию, в мае 1727 года Готшед начинает издавать еще один моралистический журнал под названием «Честный человек» (*Der Biedermann, 1727–1728*).

«Честный человек» издавался еженедельно, сначала по четвергам, затем по понедельникам, и каждый его номер был посвящен обсуждению определенной этической проблемы (основные составляющие семейного благополучия, особенности воспитания представительниц прекрасного пола и т.д.). Разрабатывая ту или иную моральную тезу, фиктивный издатель нередко обращался к различным жанровым вариантам малой повествовательной прозы, облекая абстрактную моралистическую сентенцию в зримые образы, чтобы подать её более наглядно, сделать более доступной широкой читательской аудитории. Разговор с читателями велся от лица вымышленного издателя, некоего господина Бидермана (*Ernst Wahrlieb Biedermann*), холостяка средних лет, живущего в собственном поместье вдали от городской суеты и позиционирующего себя как приверженца старых добрых нравов, в основе которых «здравый рассудок, целомудрие и добродетель» [6, с. 2]. Господин Бидерман (в переводе с немецкого «*Biedermann*» – *порядочный человек*) полностью оправдывал своё «честное» имя. Уже в первом номере журнала он открыто признался читателю в том, что журнал его лишь продолжает традицию полюбившихся публике моральных еженедельников. «Новым в нем будет», – заявлял издатель, – только его «незамысловатое название и манера повествования» [6, с. 2].

Четко сформулированная дидактическая направленность предлагаемого материала определила художественные особенности образов главных героев еженедельника (благоразумной Ефросиньи и рассудительного Софрониска) – семейной пары, живущей неподалеку от господина Бидермана и входящей в круг близких друзей последнего. Рассказ издателя о секретах семейного счастья ближайших соседей составляет содержание первых номеров журнала. И Ефросинья, и Софрониск принадлежат к числу максимально обобщенных, идеализированных художественных типов. Их функция – демонстрация читателям основных законов семейного благополучия. Об этом свидетельствуют и предваряющие каждый номер стихотворные эпиграфы, формулирующие в обобщенной форме ту или иную жизненную мудрость. Свое повествование об образе жизни Софрониска, обустройстве его жилища, ведении домашнего хозяйства издатель предваряет четверостишием из Горация «Хорошо подчас и тому живётся, / У кого блестит на столе солонка / Отчая одна, но ни страх, ни страсти / Сна не тревожат» [7, с. 91]. В полном соответствии с горациевской философией «золотой середины» живет и мудрый Софрониск: имение его хоть «небольшое, но рентабельное», у него нет «ничего лишнего, но и недостатка ни в чем он тоже не ощущает», его дом, конечно «не дворец, но и не соломенная лачуга». «Благородная простота» и «естественность»³ лежат в основе организации жизненного пространства этой семьи [6, с. 6].

Софрониск и Ефросинья состоят в браке уже двадцать лет, и все эти годы их семейная жизнь «подобна ясному небу, на котором не увидишь ни единого темного облака» [6, с. 10]. Ключ к разгадке секрета семейного счастья героев находим в стихотворном эпиграфе, предваряющем третий номер журнала: «Пара, связанная навеки по зову собственных сердец, / Что это? Подобие неба, освещаемого солнцем и

³ Здесь и далее перевод наш – Л.С.

луной» [6, с. 9]. Очевидна переключка стихотворных строк с приведенным ранее образным сравнением (ясное небо), использованным господином Бидерманом в основном тексте повествования. Любопытно, что у самого Иоганна фон Бессера⁴ (именно за ним закрепил Готшед авторство своего эпиграфа) первая строка имеет несколько иное продолжение: «Пара, связанная навеки по зову собственных сердец, / Соединена, вне всякого сомнения, самим небом» [8, с. 224]. Как бы то ни было, но правки, внесенные Готшедом в бессеровский текст, не коснулись основной идеи приведенного высказывания: основа семейного благополучия – сердечная симпатия супругов друг к другу. Простым и доступным языком разъясняет просвещенный издатель своим читателям, какова природа того чувства взаимной симпатии, что является необходимым условием семейного счастья. Для этого он рассказывает им историю отношений Софрониска и Ефросиньи.

Из всего разнообразия эпитетов, которыми автор так щедро одаряет образцовых супругов («würdig» – достойный, «rechtschaffen» – порядочный, «wohlgeartet» – добрый, «redlich» – честный, «geistreich» – остроумный, «gut» – хороший), несомненное лидерство удерживают прилагательные «klug» – умный и «vernünftig» – благоразумный. Желая подчеркнуть рассудительность и мудрость своих героев, Готшед дает им говорящие имена. «Euphron» в переводе с греческого обозначает «благомыслящий», а «sophonikós» – «здравомыслящий, умный, разумный». Благоразумие Софрониска при выборе будущей жены стало залогом его семейного счастья. Ни «прекрасный стан», ни внешняя привлекательность Ефросиньи не смогли бы заставить сердце честного Софрониска биться чаще, не обладай девушка столь же достойным нравом. «Наделенная от природы умственными способностями, она получила хорошее образование и потому была лишена предрассудков. Её шутки были остры и умны, отчего общение с ней доставляло удовольствие. Сердце же её тянулось к добродетели и помыслить не могло о каких-либо безрассудных страстях» [6, с. 9]. Иррациональное по своей природе чувственное влечение мыслиться рассказчиком в качестве разрушающего начала и противопоставляется добродетельному поведению героини, руководствующейся в своих поступках лишь доводами рассудка.

Подробно и скрупулёзно описывает господин Бидерман внутреннее убранство дома своих друзей, способное многое рассказать о его хозяйке. «Комната не заставлена бесчисленными предметами из стекла и фарфора, вы не найдете в ней и полдюжины зеркал, а туалетные столики не завалены драгоценными украшениями; но всё здесь чисто и мило, и каждый, кто впервые приходит сюда, не без удовольствия смотрит на всё это.... По кругу стоят двенадцать стульев, покрытые чехлами, сшитыми Ефросиньей и её дочерьми. В придачу ко всему в комнате висят четыре картины, на которых изображены известные библейские героини – Сара и Абилай – и Пенелопа с Лукрецией – героини античной истории» [6, с. 11]. Именно в этой комнате Ефросинья принимает гостей и здесь же, в окружении легендарных женщин, служащих символами супружеской верности и благоразумия, знакомит она своих дочерей с «сочинениями, повествующими о тех обязанностях, что им предстоит выполнять в роли хозяйки, супруги и матери» [6, с. 11].

Регулярное чтение поучительных историй является для Ефросиньи неотъемлемой составляющей формирования нравственного облика её дочерей. «При всей своей занятости и хлопотах, связанных с воспитанием детей, она не отказывается от того, чтобы время от времени не почитать хорошую книгу» [6, с. 10]. Одной из таких книг, особо почитаемой хозяйкой дома и потому удостоенной отдельного упоминания, был трактат францисканского монаха Жака Дю Боска (Jacques Du Bosc, 160.–1664?) «Дама чести» (*L'Honnête femme*, 1632–1636). Интерес Ефросиньи именно к этому сочинению неслучаен. Согласно Дю Боску, «дамой чести» могла стать «исключительно образованная женщина», изучающая «материю не ради них самих, но для практического использования» [9, с. 183]. Именно такой «интеллектуальный флёр» и придает характеру Ефросиньи особую прелесть в глазах окружающих. Она, замечает рассказчик, не просто читает вслух ту или иную главу полюбившегося сочинения, но и при любом удобном случае дополняет отвлеченные размышления о женской добродетели собственными воспоминаниями, облекая абстрактные понятия в конкретные образы.

Проводя в жизнь свою воспитательную концепцию, почтенная мать семейства не ограничивается лишь узкими рамками собственного опыта. Свои наставления в вопросах женской добродетели она иллюстрирует примерами из жизни современников (издатель называет их «Exempel») и историями, уходящими своими корнями в прошлое («Historien») [6, с. 37]. «Эту превосходную истину она не только часто им повторяла, но и при любой имеющейся возможности поясняла, приводя убедительные доводы и обращаясь к примерам живых людей. А то, что для достижения своей конечной цели она обращалась еще и к историям минувших дней, я сам имел честь недавно наблюдать» [6, с. 37]. Оба опубликованных на страницах журнала вставных рассказа (именно с ними знакомит Ефросинья своих дочерей) господин Бидерман именуется не иначе как истории («Historie»), а основное их отличие от примеров он сводит к чи-

⁴ Johann von Besser (1654–1728) – поэт и дипломат, церемониймейстер курфюрста Бранденбургского (1690), впоследствии обер-церемониймейстер и тайный советник (1701).

сто временному показателю. Вместе с тем заявленная издателем тождественность жанрового содержания обеих историй лишь кажущаяся. В случае с историей о добродетельной Шарлотте мы имеем дело, скорее всего, с авторским сочинением самого И.К. Готшеда [8, с. 225], написанным специально для моралистического журнала. Именно поэтому этологическая (нравоописательная) составляющая в нем особенно очевидна и представлена через достаточно развитую систему персонажей. А вот рассказ о наказании неверной жены генетически восходит к традиционному новеллистическим сюжетам с типичным для них романтическим интересом. Лишь целенаправленная художественная обработка уже известной читателю истории позволяет автору сместить акцент с романтических моментов на этологические.

В основе рассказа о неверной супруге лежит традиционный сказочный мотив наказания героя за нарушение запрета. Встретить его можно в волшебных сказках любого народа. Не утрачивает он своей сюжетообразующей функции и в сказках новеллистических, а затем и в выросшей из них новелле. При этом в новеллах особой популярностью пользуется тема супружеской измены и, соответственно, мотив наказания неверной жены. Западная новелла, как правило, проявляет амбивалентность в отношении героини, нарушившей социальные нормы и правила. Существующие моральные принципы противопоставляются в новелле естественной человеческой природе, а основной пафос направлен, как правило, либо на прославление «здоровой чувственности», либо на восхищение «всякой изобретательностью и инициативой» [10, с. 79–80]. Так, в «Декамероне» Дж. Боккаччо присутствует история о некоем провансальском рыцаре, мессере Гвильельмо Россильоне, угостившем свою жену сердцем её любовника. Разгневанный супруг, узнав о предательстве жены, улучшает удобный момент и убивает бывшего друга Гвильельмо Гвардастаньо, вступившего в незаконную связь с его женой (девятая новелла четвертого дня). В полном соответствии с жанровыми особенностями новеллы в истории, рассказанной Филострато, нет строго разделения между полюсами «добра» и «зла». Поведение героев противоречиво и едва ли может получить однозначную оценку. Не единожды подчёркивает рассказчик искренность чувств несчастных любовников. И вот уже обманутый супруг лишается своей традиционной роли жертвы и превращается в «вероломного и коварного человека» [11, с. 308]. Узнав о смерти любимого и том, что она отужинала его сердцем, женщина выбрасывается из высокого окна и разбивается насмерть. Образ изменницы-жены облагораживается, а её мученическая смерть («тело её было изуродовано до неузнаваемости») воспринимается не иначе как проявление свободного выбора героини в защиту собственного права на естественные чувства.

Мотив наказания неверной жены, которую обманутый супруг в отместку за её прегрешения заставляет наслаждаться мертвым видом того, «кто вживе был ей дороже всего» [11, с. 307], был широко распространен уже в западноевропейской литературе позднего Средневековья. В начале XVIII века в Амстердаме появился рассказ под названием «Несчастные влюбленные, или граф де Комменж» (*Les amants malheureux ou le Comte de Comminge*, 1706). Его автор, не пожелавший указать своего имени, поведал читателям очередную историю о супружеской мести. Обнаружив жену в обществе любовника, разгневанный муж заставляет женщину вздернуть любимого в своей же комнате, а затем замуровывает её вместе с ним. По мнению немецкого исследователя Вольфганга Просса [8, с. 224], именно эта история, с большой долей вероятности, могла лечь в основу вставного рассказа И.К. Готшеда о неверной жене, опубликованном на страницах его «Честного человека».

Время действия отнесено в нём в далекое Средневековье, во времена правления французского короля Карла VIII (1483–1498). Отправившись по государственным делам в соседнюю Германию, королевский посланник случайно попадет в замок некоего помещестного дворянина и становится свидетелем странной сцены, разыгравшейся на его глазах. Во время ужина в парадный зал, где сидят гость и хозяин замка, неожиданно входит «самая прекрасная на свете женщина» [6, с.12]. На ней черное траурное платье, а голова её острижена наголо. Не говоря ни слова, незнакомка садится на противоположном конце стола, ужинает, затем просит принести ей попить. Появляется слуга с чашей в форме человеческого черепа. Женщина делает пару глотков, почтительно кланяется и так же бесшумно исчезает, как и появилась. Чтобы снять с себя все обвинения в жестокости, хозяин замка разъясняет случайному гостю увиденное.

История взаимоотношений средневекового дворянина с будущей супругой, рассказанная им своему гостю, заставляет читателя вспомнить об обстоятельствах семейной жизни главных героев рамочного повествования – Ефросиньи и Софрониска. Словно в кривом зеркале искажаются во вставном рассказе все принципы счастливого жизнестроительства просвещенной пары. На месте благоразумного Софрониска, позволившего себе «достаточно хорошо узнать» [6, с. 9] будущую супругу, прежде чем попросить у родителей её руки, оказывается влюбленный до безумия помещестный дворянин. «Утратив всякий страх», он похищает невесту против воли её родителей и увозит к себе в замок. В основе отношений молодых супругов – страсть, влюбленность, безумие, лишенные контроля со стороны разума. Культ чувства определяет и дальнейшее поведение героев: и беспечное увлечение молодой супруги оказавшимся рядом дворянином, и безумие («*Raserei*») мужа, узнавшего о предательстве близких людей. Измена молодой жены становится для героев рассказа испытанием, своего рода обрядом «инициации», пройдя через ко-

торый они, наконец, становятся полноправными членами общества, усвоившими его основные нормы и правила и научившимися в своих поступках руководствоваться доводами рассудка. Не случайным кажется тот факт, что именно вмешательство со стороны способствует примирению супругов. Призывая разгневанного мужа сжалиться над раскаявшейся женщиной, королевский посланник апеллирует не столько к чувствам героя, сколько к его разуму: «Вы ведь прекрасно видите, как сильно сожалеет она о совершенной ошибке. Оправдать этот её поступок нельзя, не вызвав у Вас еще большего гнева. Но подумайте о том, что вы еще молоды и у вас нет детей. Разве ни прискорбно, что такой прекрасный рыцарский двор и настолько доходное имение окажутся однажды в чужих руках или перейдут во владение довольных наследников? Простите же своей жене проступок, который она совершила, скорее всего, не подумав, и, я уверен, никогда его больше не повторит; особенно, если после такого страшного наказания, вновь познает вкус вашей любви» [6, с. 14]. Интерес французского двора к обстоятельствам семейной драмы поместного дворянина заставляют последнего сменить свой гнев на милость и простить неверную супругу. Окончание этой истории вполне соответствует счастливому финалу классической волшебной сказки: ликвидируется первоначальная беда-недостача (в данном случае отсутствие у героев благоразумия), что приводит к дополнительным приобретениям (плодовитому браку). Даже смерть главных действующих лиц вставной истории наступает в полном соответствии с идеализированными представлениями о супружеской верности – фактически в один день.

Вера представителей эпохи Просвещения в существование неизменных законов логики и разума подразумевала наличие некоего предустановленного, внутренне завершенного, совершенного порядка («наилучшего из всех возможных миров» [12, с. 135–136]). На страницах готшедовского журнала «Честный человек» выразителем авторского видения идеального миропорядка выступал фиктивный издатель. Именно он ориентировал читателя при оценке поступков главных героев, реализуя тем самым основную – аксиологическую – функцию моралистического рассказа.

Прослушав необычный рассказ, используемый Ефросинией в воспитательных целях, рассказчик позволяет себе сделать замечание по поводу жестокосердия мужа прекрасной дамы. На что добродетельная Ефросиния категорично заявляет, что не считает придуманное обманутым супругом наказание таким уж суровым, а проступок жены-изменницы нельзя искупить никакими мучениями. Твердая уверенность героини в правомерности расплаты героев за их неразумное поведение наглядно демонстрируют категоричность моралистических установок, лежащих в основе мировосприятия героев-выразителей авторского сознания: «Дворянин мог обойтись с ней еще строже, не заслужив при этом ни малейшего порицания» [6, с. 15].

Второй рассказ, предложенный Ефросинией дочерям для прочтения, – история о добродетельной Шарлотте. Типичная для жанра повести-аполога трехчастная схема построения сюжета открывается ситуацией свободного выбора, перед которым оказывается героиня рассказа. Добродетельная Шарлотта, представительница третьего сословия, становится предметом сердечной страсти некоего принца из французской провинции Турень. Представленный в экспозиции идеализированный образ главного героя («О его прекрасном телосложении, привлекательной внешности, благовоспитанности и иных достоинствах не расскажешь лучше, чем заметив, что равного ему не было» [6, с. 38]) изменяется под влиянием внезапной страсти, охватившей героя при знакомстве с бывлой подругой детства его сестры: «Его любовь превратилась в пламя, укротить которое, не впад в грех, было уже невозможно» [6, с. 38]. С этого момента сюжетная линия рассказа сводится к изображению отдельно взятых эпизодов, раскрывающих нравственный облик героини повествования.

Пожираемый страстным желанием принц выполняет в рассказе функцию инициатора испытаний героини на предмет её идентичности, на тождество её характера, на её соответствие заявленному сюжетному амплу образцово-добродетельной героини. Прибегая к помощи третьих лиц, принц пытается использовать все возможные средства, чтобы удовлетворить свою страсть: сводничество, деньги, угрозы, но девушка остается непреклонна. Образ Шарлотты, выступая в качестве идеального типа, отличается при этом крайней статичностью и однообразием. Каждый раз, получая очередное непристойное предложение со стороны принца, она не проявляет никакой личной инициативы для разрешения возникшей ситуации беды-недостачи. Героиня остается пассивна и лишь с удивительной настойчивостью продолжает отстаивать свою линию поведения. Более того, каждое новое испытание, через которое благополучно проходит героиня, заканчивается длинной моралистической тирадой о женской чести и добродетели. Нравоописательная составляющая рассказа усиливается еще и тем, что участие в судьбе принца и Шарлотты принимают как приближенные принца (представители высших слоев общества), так и родственники девушки (семья писаря), каждый из которых не прочь услужить сильным мира сего.

Сюжетная развязка любого моралистического рассказа зависит от соответствия либо несоответствия поведения героя некоей идеальной нравственной норме. В век Просвещения эта норма определялась законами логики и доводами рассудка. Императивная картина мира моралистического рассказа обнаруживала, как правило, наличие системы причинно-следственных связей, являвшейся неотъемлемой частью мироощущения человека эпохи Просвещения. Экономический и социальный успех, благополучие

в частной сфере – всё это ставилось в прямую зависимость от нравственного выбора индивида. Об этом свидетельствует и заключительное высказывание повествователя о дальнейшей судьбе Шарлотты, выдержавшей моральные испытания: «Между тем обо всех этих испытаниях непоколебимой добродетели и чести стало известно одному из придворных принца, и так они пришлись ему по душе, что в скором времени он женился на добродетельной Шарлотте.... Благодаря этому браку она наслаждалась в супружестве таким счастьем, о котором она только могла мечтать; тем более, что на протяжении всей своей дальнейшей жизни она пользовалась со стороны принца особой милостью и всяческим знаками его княжеского благоволения» [6, с. 48]. Типичная для дидактических жанров моралистическая сентенция заменена у Готшеда сообщением о благополучном устройстве судьбы главной героини. Схематичный характер сюжетной развязки рассказа о добродетельной Шарлотте вполне согласуется с функциональной направленностью произведений подобного рода и с общими установками просветительской идеологии. Так, немецкий писатель XVIII столетия К.Ф. Трёльтш в предисловии к одному из своих романов, рассуждая на тему использования законов драматических жанров в эпическом произведении, приводит следующее «знаменитое правило»: «Сюжет романа должен быть организован таким образом, «чтобы добродетель оказывалась полезна, а порок приносил несчастья» [13, с. 18].

Столь прагматичный подход мастеров художественного слова к разрешению сюжетных коллизий объясняется, вероятно, тем, что в Германии XVIII столетия, под влиянием пиетистского учения, просвещенный разум, выступающий в качестве центральной философской категории, напрямую связывался с понятием «здравого смысла», обращенного к практической стороне жизни. Именно рассудок выступал в роли регулятора и нормализатора традиционной картины мира, представленной на страницах моралистических рассказов, продолжающих традиции притчевой повествовательной стратегии. Неслучайно в рассказе о добродетельной Шарлотте И.К. Готшед неоднократно подчеркивает скрытую симпатию своей героини к принцу. Однако здравый смысл подсказывал Шарлотте, что «она не могла быть любима им честно и по закону» в силу существующей между ними разницы в социальном положении, а «по-другому, в силу ли собственного легкомыслия, или ради роскоши, наслаждаться его расположением она не хотела» [6, с. 39]. Иными словами, не чувства героини, а здравый смысл как высшая инстанция определяет характер её поступков. У Готшеда нравоучительное наставление о необходимости главенства разума над чувствами осуществляется через художественные образы, а у его современника, немецкого энциклопедиста И.Г. Цедлера (Johann Heinrich Zedler, 1706–1751) та же моралистическая сентенция сформулирована в более обобщённо-философичной форме. В «Большом полном универсальном словаре всех наук и искусств» (Großes vollständiges Universallexikon aller Wissenschaften und Künste, 1732–1754) читаем: «Понять самого себя, осознать притягательную силу добра и его истинность нельзя иначе, нежели чем с помощью разума, равно как и постичь, что является высшим счастьем, и как соотносятся с ним иные блага. Потому-то человек и вынужден, будучи предрасположенным в силу своих природных потребностей к счастью, и обладая здравым рассудком, руководствоваться указаниями последнего, нередко отказываясь от вещей приятных, являющих собой истинной зло, и, наоборот, принимать то, что по природе своей неприятно» [14, с. 1172].

Заключение. Оба вставных рассказа, опубликованных И.К. Готшедом в его моральном еженедельнике «Честный человек» за 1728 год, выстроены по одному и тому же принципу. При этом один из них обращается к традиционно новеллистическому мотиву, а другой, по всей вероятности, является продуктом художественного творчества самого автора. «Методику» создания произведений подобного рода автор сформулировал в своём теоретическом трактате «Опыт критической поэтики» следующим образом: для создания сюжета, являющегося основой всего поэтического творчества, необходимо «в соответствии с характером своих намерений выбрать некую моральную сентенцию, призванную стать фундаментом будущего произведения. Под неё придумывается некий общий случай, развитие действия в котором наглядно демонстрирует данный моральный тезис» [15, с. 161].

ЛИТЕРАТУРА

1. Чернышевский, Н.Г. Лессинг, его время, его жизнь и деятельность / Н.Г. Чернышевский // Полн. собр. соч. : в 15 т. – М. : ГИХЛ, 1948. – Т. 4 : «Лессинг и его время». Статьи и рецензии 1857 года. – С. 5–221.
2. Скворцова, М.Л. Творчество И.К. Готшеда в контексте раннего немецкого Просвещения : автореф. дис. на соиск. учен. степ. к. филол. н. : спец. 10.01.03 / М.Л. Скворцова ; Магнитог. гос. ун-т. – Магнитогорск, 2004. – 18 с.
3. Поспелов, Г.Н. Проблемы исторического развития литературы / Г.Н. Поспелов. – М. : Просвещение, 1972. – 271 с.
4. Кант, И. Ответ на вопрос: Что такое просвещение? 1784 / И. Кант // Соч. в шести томах. – М. : Мысль, 1966. – Т. 6. – 743 с.
5. Martens, W. Die Botschaft der Tugend: Die Aufklärung im Spiegel der deutschen moralischen Wochenschriften / W. Martens. – Stuttgart : Metzler, 1968. – 592 S.

6. Der Biedermann. Erster Teil Darinnen fünfzig wöchentliche Blätter enthalten sind. Mit einem vollständigen Register. – Leipzig: bei Wolfgang Deer, 1728 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.hs-augsburg.de/~harsch/germanica/Chronologie/18Jh/Gottsched/got_1727.pdf. – Дата доступа: 29.01.2018
7. Гораций. Избранная лирика / пер. и коммент. А.П. Семенов-Тянь-Шанский. – М. : Academia, 1936. – 194 с.
8. Deutsche Erzählungen des 18 Jahrhunderts von Gottsched bis Goethe / Н. Hollmer u.a. – München : Deutscher Taschenbuch, 1988. – 334 S.
9. Голубков, А.В. Прециозность и галантная традиция во французской салонной литературе XVII века : дис. на соиск. учён. степ. док. филол. н. : спец. 10.01.03 / А.В. Голубков ; Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН ФАНО России. – М., 2017. – 253 с.
10. Мелетинский, Е. М. Историческая поэтика новеллы / Е.М. Мелетинский. – М. : Наука, 1990. – 263 с.
11. Боккаччо, Дж. Декамерон / пер. с ит. Н. Любимова ; под ред. Н. Томашевского. – М. : Худож. лит., 1970. – 703 с.
12. Лейбниц Г.В. Опыты теодицеи о благодати божией, свободе человека и начале зла / Г.В. Лейбниц // Сочинения: в 4 т. – М : Мысль, 1989. – Т. 4. – С. 49–497.
13. Troeltsch, K. F. Geschichte einiger Veränderungen des menschlichen Lebens, In dem Schicksale des Herrn von Ma***. Mit einer Vorrede von dem Nutzen der Spauspies-Regeln bei den Romanen / K.F. Troeltsch. – Leipzig: Jacob Christoph Posch, 1753. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://books.google.com/books?id=aIQ6AAAAsAAJ&printsec=frontcover&dq=%22Geschichte+einiger+Veränderungen%22&hl=en&ei=aZRKTc_cFaCO4gbX2vyoDA&sa=X&oi=book_result&ct=result&resnum=5&ved=0CDkQ6AEwBA#v=onepage&q=Komposition&f=false. – Дата доступа: 03.02.2011.
14. Zedler, J. H. Großes vollständiges Universallexikon aller Wissenschaften und Künste [Электронный ресурс] / Johann Heinrich Zedler (Hrsg). – Leipzig, 1732-1754. – Bd 23 : Natur der Menschen. – Режим доступа: <https://www.zedler-lexikon.de/index.html?c=blaettern&seitenzahl=603&bandnummer=23&view=100&l=de>. – Дата доступа: 20.03.2018.
15. Gottsched, J.Ch. Versuch einer kritischen Dichtkunst / J.Ch. Gottsched // Versuch einer kritischen Dichtkunst. Von Johann Christoph Gottsched, 5., unverändert. Aufl. Repr. d. Ausg. von 1751. – Darmstadt : Wiss. Buchges, 1962. – 808 S.

Поступила 24.03.2018

MORALISTIC STORY ON THE PAGES OF J.CH. GOTTSCHED'S MAGAZINE «THE HONEST PERSON»

L. SIAMCHONAK

The genre nature of the metastories about female virtue published by J.Ch. Gottsched in his moral weekly "The Honest Person" for 1728 is investigated. Features of their genre form and genre contents are analyzed. It is shown that both metastories are used by the author as illustrative material to the moralistic maxim stated in a frame. The basis of family wellbeing of Efrosiniya and Sofronisk – the main characters of the frame narration – is the domination of the reason over feelings. The rational behavior is elevated by them into the moral law and from this perspective an assessment of characters' actions of the metastories is given.

Keywords: Enlightenment, moral weeklies, didacticism, narrative frame, novel, moralistic story.